

вавшими в ходе войны, наглядно демонстрирует, насколько талантливо Гельфанд построил свою почти необозримую и не-проницаемую систему торговли, транспорта, денежного обмена и денежных трансфертов. Все его акции через миссию в Копенгагене становятся более или менее известны в столице кайзеровского Рейха Берлине. — И желанны. Гельфанд наилучшим образом подготовился, чтобы форсировать финансирование все более актуальной антицарской революции в России. Об этом знают Министерство иностранных дел, Генеральный штаб и руководство Рейха. Его Величество кайзера Вильгельма II, естественно, не посвящают в детали, его только время от времени просят продлить свое общее согласие: из-за миллионных затрат, которые ему вновь и вновь приходится разрешать для оплаты своего плана революции в России.

Дополнение к личному делу Гельфанда:

Является ли Гельфанд шутником или просто алчным непательщиком налогов? Для датских налоговых служб жонглер миллионами указывает за 1916 г. доходы всего лишь в 41 200 крон. Старшему судебному адвокату и налоговому советнику Ааге Фауршоу очень неловко, что ему не раз приходится подобающим образом торопить своего обремененного миллионами клиента д-ра Гельфанда учесть, наконец, его напоминание об уплате налога на собак в размере 12 крон: это произвело бы на чиновников лучшее впечатление.

ЧЕРНАЯ ИКРА И ПУШКИ

Когда в октябре второго года войны «придворный поставщик Его Величества императора и короля, Его Императорского и Королевского Высочества кронпринца» А. Миха предлагает оптовому покупателю и перепродавцу д-ру Гельфанду раков, устриц, омаров, королевских омаров и черную икру, в этом нет ничего каверзного. Торговец деликатесами, имеющий телеграфный адрес «Krebsmicha Berlin», предлагает директору Гельфанда Скларцу, проживающему в фешенебельном отеле «Эспланада», номер 236, прибыльную икорную сделку с известным в отрасли господином Шелеховым и побуждает его дей-

ствовать. «То обстоятельство, что русские и немецкие газеты сообщили о сильном снижении потребления черной икры в Германии, что и соответствует действительности, несомненно поддержит наши совместные усилия», — пишет торговец.

Кто бы мог всерьез возражать против торговли деликатесами? Старая истина: годы войны — это время нужды, время нужды порождает дефицит, а торговля дефицитом сулит более высокие прибыли. Но закоренелая алчность Гельфанды, ввиду безбрежной широты его деятельности, вскоре вызывает толки и порождает завистников. В его нечистоплотные дела вовлечено слишком много людей, чтобы все могло сохраняться в секрете. Черная икра, уголь и презервативы никого не побуждают выйти из дела на пресловутые баррикады. Однако при прорыве политического и прежде всего политico-оружейного бойкота и эмбарго на торговлю стратегическими долгостоящими ценными металлами для соответствующей военной отрасли ведущей войну великой державы дело обстоит уже иначе. Если торговая компания Гельфанды на нейтральной датской и шведской земле тайно доставляет из Англии в Германию стратегическое сырье, которое, будучи переработанным в снарядные гильзы, убивает британских солдат на Западном фронте, это может порадовать соответствующие инстанции в Германии. Однако когда немецкое энергетическое сырье течет через нейтральные Данию и Швецию в царскую военную промышленность и русские снаряды убивают немецких солдат на Восточном фронте, это едва ли может обрадовать какое-то германское ведомство. Так вскоре, прежде всего в социал-демократических кругах, полуслепотом произносятся очень критические слова о Гельфанде — «наживается на войне». Тот, кого поносят, конечно, тоже узнает об этом. Он находит для себя, как ему кажется, простое оправдательное объяснение: «Цель оправдывает средства». Применительно к нему это должно означать, что для финансирования революции в России пригодны все средства, все *средства торговли*. Но при массовой гибели людей в окопах и снарядных воронках на поле боя затраппанный афоризм превращается в ужасную попытку оправдания убийства.

Гельфанд не хочет осознать, что он со своими торговыми прибылями от поставки туда-сюда стратегически ценных металлов ведущим войну державам в то же время обогащается на массовой гибели людей на полях сражений. Точно так же, как в это самое время и германский пушечный король Крупп. Ведь близкий друг германского кайзера и в годы войны получает от английского оружейного концерна Виккерс причитающуюся ему по торговому договору лицензионную выплату за каждый выпущенный снаряд с тиснением «KPZ» (Krupp Patent Zeitzylinder – дистанционный взрыватель, патент Круппа). Тем самым германский оружейный магнат Крупп зарабатывает на каждом английском снаряде «KPZ», выпущенном по немецким солдатам. Критики из социал-демократических кругов клеймят это накопление капитала Круппа как «деньги на крови».

И вот революционный теоретик социал-демократии, который несколько лет назад так бурно подчеркивал, что германская социал-демократия является его «новой родиной», наталкивается на растущую критику из своих собственных рядов. При всей жажде коммерческой прибыли критические мысли его немецких единомышленников все же очень неприятны для Гельфанда. Он замечает, что пара дел начинает идти у него несколько вразброс. В одних он хотел бы акцентировать все немецкое, в других – социал-демократическое, в третьих – торгово-политическое. И акцентировать все это опять же по-разному, в зависимости от войны или мира, победоносного мира или революции. Этот политшпагат выглядит, конечно, несколько своеобразно, когда Гельфанд 11 февраля 1916 г. со своего адреса в фешенебельном квартале Тиргартен (Берлин, В 10, Тиргарте:штрассе, 9) вновь пишет в Министерство иностранных дел ходатайство, чтобы стать германским, прусским гражданином:

«Настоящим я ходатайствую перед Королевским Прусским правительством о предоставлении прусского гражданства и прошу согласия и передачи данного ходатайства Королевскому Прусскому Министерству внутренних дел. [...] Уже в 1896 г. я пытался получить германское гражданство. С началом войны я со всей решительностью встал на почву решений о победоносном ведении войны, принятых германской социал-де-

мократией. В результате моих публичных выступлений в этом духе я вызвал к себе ожесточенную вражду официальных и патриотических кругов России и ее союзников, которые объявили меня изменником родины и развязали и все еще продолжают в печати Европы и Америки кампанию против меня, полную постыднейшей клеветы. Единственным основанием этих нападок является тот факт, что я родился в России и до сих пор еще не обладаю правами гражданина Германии, хотя я посредством воспитания, образа мыслей и моей жизненной деятельности принадлежу к Германии почти целое поколение.

Если я сейчас возобновляю мое ходатайство о предоставлении прав гражданина Германии, то делаю это как по личным причинам, т. к. желал бы, чтобы духовные узы, связывающие меня с немецким народом, были признаны и формально, так и в особенности по политическим причинам. Важно, чтобы в великой битве народов, которую развязала война, каждый проявил себя со всей своей силой. В моем случае это возможно только при условии, что я смогу действовать как полноправный германский гражданин».

Чтобы выйти из-под обстрела своих социал-демократических товарищей, Гельфанд пытается сформулировать оправдание для своего богатства и при этом, указывая пальцем на других, перечисляет исторически прогрессивных лиц, которые также не бедствовали:

«Следующим моментом, который вновь и вновь выдвигают клеветники, является то обстоятельство, что я составил себе состояние. На этом я должен остановиться несколько подробнее.

Богатых людей и крупных торговцев было в социалистическом движении немало. Сен-Симон составил себе состояние на военных поставках, Фурье был торговцем, Р. Оуэн был владельцем фабрики, Фр. Энгельс был также владельцем фабрики и крупным капиталистом, без его денег Карлу Марксу пришлось бы очень плохо. В германской партии самым известным примером является П. Зингер, который был владельцем фабрики и очень богатым человеком».

Чтобы избавиться от позорного пятна «нажившегося на войне», Гельфанд попытался в написанном в апреле 1918 г. в Сток-

гольме объемистом оправдательном сочинении под программным названием «В борьбе за правду» (*Im Kampf um die Wahrheit*) морально обосновать свои многообразные операции задним числом:

«Чтобы не бросаться необоснованными словами, я хотел бы привести в качестве примера созданную мной в Копенгагене «Фрахтовую и транспортную компанию» (*Fracht- und Transportgesellschaft*), на которую ссылались газеты. Компания сумела справиться с задачей поддержания регулярных перевозок угля во время войны. Тот, кто сколько-нибудь знаком с фрахтовым делом, согласится, что это было чрезвычайно сложно. И, кроме того, наша компания добилась небывалого снижения тарифа морских перевозок. [...]»

Я мог бы назвать целый ряд предприятий, где я в той или иной форме использовал новые идеи. Но все это не имеет большого значения. Я далек от того, чтобы желать оправдывать капиталистическую прибыль личными качествами. Я, однако, не понимаю, почему мне не следовало притянуть на свою сторону часть прибавочной стоимости, накопленной классом капиталистов».

Добытчик и посредник в доставке денег для революции хочет также заставить поверить критиков в небылицу, что его личное богатство, накопленное в военное время, служит социальным целям:

«Мое богатство, размеры которого, кстати, были чрезвычайно преувеличены сплетнями и пересудами, никоим образом не тяготит меня. Оно лишь дало мне возможность расширить мою социальную деятельность».

Это – гротескная ложь. Трудно представить, что разыгрывается в Берлине всего через три месяца после опубликования гельфандовского «правдивого» сочинения. Гельфанд встречается на экономических переговорах с товарищами из посольства Советской России в Берлине, которые теперь, после Октябрьской революции, выступают в качестве первых официальных представителей ленинской советской власти в еще существующем германском кайзеровском Рейхе. Петрограду срочно нужен уголь, последствия войны ужасны. Тут сразу же вступает в дело торговец-революционер и предлагает поставить 100 000 тонн угля. Правда, Гельфанд требует от своих петро-

градских товарищей пять процентов куража. При значительном объеме энергетического сырья в этом случае на его личный счет поступила бы заметная сумма. Петроградские товарищи не понимают революционера Гельфанд. Куда девалась его революционная этика? Но торговец Гельфанд не позволяет с собой торговаться, он не уступает. Очевидно, на деньгах его многолетняя революционная дружба заканчивается.

Товарищи из Петрограда не позволяют Гельфанду шантажировать себя, поэтому он безжалостно оставляет ни с чем своих соратников по борьбе. – Прошло ровно три месяца с тех пор, как он так горько жаловался, сколько бумаги было исписано, сколько чернил и желчи разбрзгано, сколько грязи собрано, чтобы его очернить.

Его деловые бумаги, насколько они сохранились, и его взгляды, насколько они были провозглашены им самим, очерняют его в достаточной степени, и он уже, кажется, этого даже не замечает. Или он полностью вычеркнул из памяти, или действительно забыл, сколь сильное чувство страха охватило его осенью 1915 г., когда до него дошла информация, что определенные генеральные штабисты в германских военных кругах хотят совершить «короткую расправу» в России и направить острье наступления кайзеровских армий Восточного фронта непосредственно на Петроград, чтобы, недолго думая, оккупировать российскую столицу. Тем самым его тайное революционное предприятие и финансирование в мгновение ока оказалось бы излишним, и тогда он не мог бы больше ссылаться и на кайзеровскую программу революционизации.

Если царская столица однажды «падет», будет побеждена и подвергнется военной оккупации, то вся система распадется изнутри и в то же время неудержимо раскрошится на периферии. Сепаратистские силы на периферийных территориях сами почувствуют себя в силах провозгласить и реализовать свою национальную независимость от ядра России. Тем самым столь важная сейчас для германского Генерального штаба, Министерства иностранных дел и руководства Рейха центральная фигура военного заговорщика Гельфанд стала бы бесполезной и потому излишней.

Гельфанд сразу же осознает опасное для себя положение и ищет выхода, чтобы спасти свою значимость и незаменимость. 7 сентября 1915 г. он срочно встречается с германским посланником фон Брокдорф-Ранцау на копенгагенской Амалиенгарде, 3. Со всей положенной и отрепетированной Гельфандом дипломатической сдержанностью он представляет кайзеровскому посланнику своего рода доклад о военно-политическом положении со своей точки зрения. Гельфанд наглядно объясняет, что военная оккупация Петрограда остановила бы уже начавшуюся революцию и настроения столичного населения начали бы развиваться заново в том смысле, как устроиться при все-таки враждебной оккупационной власти. Никто не может сказать с уверенностью, в какую сторону это бы завело. Кроме того, Гельфанд отмечает, что было бы умнее в стратегическом отношении обратить военное преимущество перед царскими вооруженными силами, если таковое вообще имеется, к югу России и продвинуться к «зернохранилищу» — Украине, к богатой железом и углем территории Донецкого бассейна. Тем более, что для этих огромных территорий в меморандуме германской индустрии и банков 1914 г. уже очень точно сформулированы детальные «цели войны».

Из имеющихся актов неясно, насколько «аварийный тормоз» Гельфанда, его стремление не подвергнуть угрозе «свою» революцию в Петрограде принимается во внимание влиятельными инстанциями с однозначными ссылками на рекомендации со стороны Гельфанда. Однако акты копенгагенской миссии подтверждают, что Брокдорф-Ранцау немедленно сообщает по телеграфу в Берлин, в Министерство иностранных дел, о беседе с Гельфандом.

В следующую четверть года Гельфанд очень внимательно следит за всей информацией, которая могла бы свидетельствовать о подготовке наступления германской армии в направлении Петрограда. В последующие три месяца он воздерживается от поиска контактов с германским посланником и вновь появляется у Брокдорф-Ранцау лишь 21 ноября. Теперь он ссылается и на новейшую информацию, полученную от своего доверенного лица, недавно вернувшегося из Петрограда. Рево-

люционное настроение, сообщает тот, становится в царской армии, даже в офицерском корпусе, все более ощутимым, и к тому же в Петрограде и Москве в предстоящую зиму можно ожидать голода. И эту новость Брокдорф-Ранцау по долгу службы сообщает Министерству иностранных дел.

Германская кайзеровская армия не захватывает Петроград, и Гельфанд может продолжать деятельно работать над своей программой революционизации.

МЕЛКИЕ ДЕНЬГИ И ПИСТОЛЕТЫ

Коллега по службе графа Брокдорфа, его шведский сосед, императорский посланник в Стокгольме барон Люциус фон Штедтен вынужден в это же время заниматься аналогичными дипломатическими проблемами. Конечно, у фон Штедтена есть преимущество: ему не приходится терпеть постоянных денежных домогательств торгового революционера или, точнее говоря, революционного торговца Гельфанда, но и на рабочем столе высшего германского дипломата в Королевстве Швеция готовятся очень своеобразные документы: сообщения, распоряжения, аналитические обзоры, доклады, много зашифрованного, подписанныго зачастую лишь энергичной подписью «Люциус».

Из массивного здания посольства на напоминающей парк Кункстредгардсгатен с красивым видом на Королевскую оперу у Нордстрема и Королевский замок отправляется, например, письмо посла непосредственно «Его Превосходительству рейхсканцлеру господину фон Бетман-Гольвегу», копию которого его канцелярия немедленно переправляет в Генеральный штаб для информации и координации.

Текст производит просто курьезное впечатление и читается как кусок из бульварного детектива:

Императорское Германское посольство, А.И. № 2807.

Прибывший сегодня пистолет-маузер, а также девять тысяч рублей вручены русскому Лбову. Он сегодня вечером выезжает в Петербург.

[Подпись:] Люциус